

В ТЕ ДНИ, когда Новосибирский академический завершал свои нынешние, четвертые по счету, гастроли в Москве, телетайп передал приятную новость: почетного звания «Заслуженный артист РСФСР» удостоены три солиста театра. Среди них Николай Тимофеевич Дмитриенко. О нем наш сегодняшний рассказ.

Смолоду, еще обучаясь в консерватории, Дмитриенко воспитал в себе упорство и трудолюбие. Настойчивость будущего певца удивляла окружающих и внушала к нему уважение преподавателей и студентов. Киевская консерватория дала Дмитриенко основательную певческую школу.

Но его выбор при распределении по окончании консерватории многих удивил: Омск, театр музыкальной комедии. При всех данных попасть в хорошую оперу он вдруг выбрал оперетту, да еще где-то в Сибири.

Выигрыш был на стороне Дмитриенко. У оперетты, одного из самых синтетических искусств, есть очень серьезные преимущества перед старой, совсем серьезной оперой: легкость, улыбочность, раскованная свобода, естественность пластики и чувство юмора, которого так часто недостает оперным артистам.

Роли первого положения в Омской оперетте достались Дмитриенко сразу. Он трудился много и жадно. Работа продолжалась дома, упорная, невидимая постороннему глазу. Дома была опера, Большой театр с Андреем Ивановым, Кругликовой и Козловским. Дмитриенко ставил на проигрыватель каждый раз одно и то же — «Евгения Онегина». Вместе с Андреем Ивановым он пел главную партию. И мысленно представлял себе сад Лариных, золотую осень, снежную пустыню в звонкое морозное утро, великосветский бал в Петербурге и себя, Онегина, одетого, «как денди лондонский...».

В Новосибирск Николай пришел с полным багажом опереточных партий и тощим оперным портфелем, в котором была единственная, выученная без клавира, по пластинке партия Онегина.

Ее он и пел на пробе. На сцену вышел с большим волнением. Не-

обычная обстановка породила чувство робости. Но постепенно робость проходила. Ее прогоняли дружеское участие партнеров и энтузиазм зрительного зала, по окончании спектакля разразившегося шквалом аплодисментов в честь дебютанта.

Перевернулась еще одна страница в творческой судьбе Дмитриенко. Он стал солистом сразу двух театров — оперного и оперетты.

Опера была ревнива и вскоре потеснила героев из «Сильвы»,

выходных положений, в исполнении Н. Дмитриенко стал своеобразным камертоном безудержно веселого настроя спектакля.

Артист поет Фигаро легко, броско и эффектно. Сходные краски находит он и для Роберта «Иоланты» с его бравурной арией — гимном прекрасной Матильде и радостям жизни.

Тем контрастнее рядом с жизнерадостными, солнечными детищами опер Россини и Чайковского выглядят нежный брат Маргариты Валентин из «Фауста» Гуно с его неподкупным сердцем честного солдата и гуманный в своей жестокости отец Альфреда — Жермон из «Травиаты» Верди.

Исполняя лирические партии, Н. Дмитриенко мечтал об образах

камнем артиста, претендовавшего, и не без оснований, на партии драматического баритона. С тех пор его репертуар пополнился многими новыми работами. Мизгирь в «Снегурочке», Эскамильо в «Кармен», Томский и Елецкий в «Пиковой даме», Риголетто. Не все они могут быть причислены к настоящим удачам Н. Дмитриенко, но несомненно одно: каждый артист отдал все, что мог, до конца, без остатка, на каждом спектакле, будь то десятый, пятнадцатый или премьеря. Да он и не может иначе — чувствовать в полсердца, петь в полголоса.

Почерк артиста мужает и крепнет, становится все более индивидуальным и выразительным. Свидетельство тому — талантливые работы Н. Дмитриенко последних лет.

Нередко видишь на сцене этих слезливых, несчастных старичков Риголетто. Н. Дмитриенко в этой роли убийственно саркастичен и зол. Насмешливая дерзость, ирония и скептицизм его Дон-Жуана выдают в нем артиста, относящегося к героям давно прошедших эпох с точки зрения современника, актера, чуждого старым оперным традициям и штампам.

Слушая Яго в «Отелло» в исполнении Н. Дмитриенко, хочется назвать оперу Верди именем «Яго» — настолько выделяется его работа по исполнительскому уровню в спектакле. На память приходит леомонтовский образ, связанный с Демоном, но очень ассоциирующийся с Яго, — «неотвратимый, как кинжал».

Нередко театральные критики в знак высшей похвалы артистам дарят обычно им выражение: «живет в образе». Оно не кажется банальным по отношению к действительно на редкость органичному певцу и актеру Николаю Дмитриенко. Он не только живет в образах, которые воплощает. Он для них живет, он создан для них, для творчества.

А. АНТОНОВИЧ.

ПРИЗВАНИЕ

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

«Марицы» и «У моря Обского». А главное, в голосе молодого певца зазвучали такие сочные, волнующие ноты...

Премьеры следовали одна за другой. Как помогал здесь артисту его способность быстро учить и запоминать, его рабочая хватка и приобретенная музыкальность!

Фигаро из «Севильского цирюльника», Валентин из «Фауста», Роберт из «Иоланты», негритянский юноша Ленни, главный герой оперы М. Магиденко «Тропюю грома». Все они прошли вместе с артистом сложный путь от уроков с концертмейстером в классе, спевок с дирижером, через оркестровку и сдачу к премьере.

Одна из его самых любимых работ — Фигаро, герой Россини и Бомарше. Артист любит ее своим оптимистом-брадобреем. Этот бестия Фигаро, «вулкан идей», для которого нет ни преград, ни без-

более масштабных и разноплановых. С годами голос креп и наливался металлом. Вердиевский «Трубадур» открыл певцу безграничное богатство итальянского бель канто. В ходульном и несколько трафаретном образе свирепого «оперного злодея» артисту удалось найти зерно жизненной правды и достоверности. Власть средневекового деспота, огромное чувство отвергнутой, всепоглощающей любви к Леоноре сделали этого человека жестоким.

Как всякий певец, Н. Дмитриенко любит партии, в которых есть что петь и есть что переживать. Не случайно «Демон» Рубинштейна стал его большим творческим достижением, хотя в день премьеры, весной 1963 года, в зрительном зале было немало скептиков, сомневавшихся в успехе певца в этой партии.

Но именно Демон стал пробным